

Татьяна Мосунова
Екатеринбург, Россия

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ О ЖИЗНИ ПОЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ НА УРАЛЕ В XIX ВЕКЕ

Доступность региональных российских архивов, содержащих сведения о жизни польского сообщества в России в XIX – начале XX вв., до сих пор остается проблемой для исследователей этой тематики. Возможности центральных архивов достаточно хорошо изучены, но неизменно возникает интерес к региональным хранилищам, которые обладают значительным потенциалом для исследователей.

Екатеринбург, являющийся центром Свердловской области, сегодня один из крупнейших городов Российской Федерации. В 2014 г. его население насчитывало 1412 человек. Город был основан в 1723 г. на восточном склоне уральских гор как центр государственного управления горными предприятиями региона. С XVIII в. через Екатеринбург прошла главная дорога в Сибирь – Большой Сибирский тракт. А в 1878 г. Урал и европейскую Россию связала железная дорога. Удобно расположенный на торговых путях, город динамично развивался. В Екатеринбурге располагались важные государственные учреждения. С 1831 г. в Екатеринбурге находилось Горное управление, с 1838 г. здесь располагалась резиденция Главного лесничего уральских горных заводов. Административно город являлся уездным центром Пермской губернии, но политическое и административное значение уравнивали его с губернским центром.

К началу XX в. в Екатеринбурге сложилась польская община. Не случайно католический храм местные жители называли польским костелом¹. В периодической печати встречаются упоминания о мероприятиях, которые устраивали поляки: польский бал, польская опера, кружечные сборы на нужды разоренной Польши и т.д.² Польский костёл и мероприятия национального характера – видимый знак зрелости польской общины, а, значит, ее появлению предшество-

¹ Фотографическая открытка 1912 г. «Польский костел».

² «Зауральский край» 1917, № 5, с. 2.

вали процессы, которые мы и попытаемся проследить на основании документов, хранящихся в местных архивах.

Главной источниковой базой для исследователей истории Екатеринбурга XIX в. является Государственный архив Свердловской области (далее: ГАСО) – крупнейшее хранилище документов по истории Урала и Сибири за период с 1702 г. до наших дней. В архивную службу Свердловской области входят семь областных государственных архивов, четыре из которых находятся в Екатеринбурге: Государственный архив Свердловской области, Центр документации общественных организаций Свердловской области, Государственный архив административных органов Свердловской области, Государственный архив документов по личному составу Свердловской области. Три государственных архива расположены в городах области: Государственный архив в г. Ирбите, Государственный архив в г. Красноуфимске, Государственный архив научно-технической и специальной документации Свердловской области в г. Каменске-Уральском.

Центр документации общественных организаций Свердловской области был создан на базе бывшего партийного архива Свердловского областного комитета КПСС. Представленные в нем документы относятся к периоду с 1917 г. Государственный архив административных органов Свердловской области был создан на базе архивов КГБ и его документы так же относятся к советскому периоду.

В фондах ГАСО хранится около миллиона дел и около 50 000 фотодокументов³. Издан указатель архивных фондов, имеются описи фондов, но работа по выявлению документов о поляках сотрудниками архива до сих пор не проводилась. Нам предстоит определить наиболее перспективные направления для дальнейших архивных поисков.

Самые ранние архивные документы, упоминающие поляков, относятся к XVIII в. Для строительства завода на реке Исети, будущего Екатеринбурга, из Тобольска был прислан полк солдат. Одним из офицеров, командующих полком, был поляк капитан Ян Крулевич (Кралевитц), из числа военнопленных, перешедших на русскую службу⁴. Участие иностранца в строительстве нового завода было для того времени рядовым событием. С самого основания города помимо представителей русского и коренного населения – татар, башкир, хантов и манси – здесь проживали немцы, голландцы, шведы и т.д. Пик иностранного присутствия пришелся на первую половину XVIII в. – время строительства металлургических заводов и поиска новых рудных месторождений. Документы, относящиеся к этому периоду, сосредоточены в фонде Уральского горного правления (ф. 24, описи 1, 2, 9, 16, 23). Это один из самых многочисленных фондов архива по дореволюционному периоду. В нем хранится 31 147 дел. На сегодняшний

³ *Краткий справочник по фондам ГАСО*, Екатеринбург 1996, с. 5.

⁴ В. Н. Земцов, В. А. Ляпин, *Екатеринбург в мундире*, Екатеринбург 1992, с. 20.

день историки лишь предполагают, что помимо Крулевича в строительстве Екатеринбурга и последующем развитии заводов принимали участие и другие поляки, документов однозначно это подтверждающих не выявлено.

В отличие от евреев, проживание которых на Урале и в Сибири регламентировалось особыми циркулярами, въезд и расселение поляков не ограничивалось правовыми актами. Не всегда предыстория появления на Урале поляков очевидна. Например, в фонде Горного правления уральский историк Н. С. Корепанов обнаружил документ конца XVIII в. следующего содержания:

Самым известным был случай, как состоявший в услужении у магистратского бургомистра Ивана Дубровина Мартин Костецкий (Мартын Серебряник) через знакомую продавал и давал в заклад под видом серебра слитки меди в сплаве с оловом и бурой, а однажды променял на горсть нерчинских изумрудов и аметистов Мурзинской слободы. Причем покупатели слитков обычно его же и призывали для освидетельствования. И лишь один недоверчивый крестьянин показал слитки шарташскому серебрянику Льву Кузнецову. Другой поляк Карп (Кароль?) Вишневецкий подговорил выйти за себя дворовую девку купца Петра Алемазова, а вместо приданого прихватил у хозяйки жемчуг, золотой и два серебряных перстня с аметистами, сердечко аметистовое, серебряный крестик, китайскую шубу и т.п. Двое екатеринбургских поляков увезли невесту со всем добром в Уткинский завод Демидовых и укрыли в питейном доме поляка Адама Дубровского. А по заводам они и не такое творили⁵.

Можно заключить, что герои вышеизложенных историй, даже если и попали на Урал не по своей воле, использовали обстоятельства, в которых они оказались, с максимальной пользой для себя.

Традиционно считается, что главным источником пополнения польского населения Сибири была ссылка. Тема активно разрабатывалась на протяжении нескольких десятилетий. Но в результате гипертрофированного внимания к теме ссылки, те поляки, которые строили в Сибири служебную или предпринимательскую карьеру, оказались в тени внимания исследователей. Не было выработано внятных критериев, позволяющих выявить эту значительную часть польского населения Сибири.

Документы ГАСО указывают, что поляки часто занимали должности, требующие высокой квалификации в горнопромышленном производстве, на государственной службе, в медицине и других отраслях.

Одним из ярких примеров может служить биография главноуполномоченного Нижне-Тагильскими заводами Демидовых в 1847–1853 гг. Антония Ивановича Кожуховского. До прибытия на Урал он управлял имениями Радзивиллов в Несвиже⁶. Кожуховский был приглашен крупнейшими заводчиками

⁵ В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.), 3-е изд., Екатеринбург 2001, с. 158.

⁶ Нясвіжскія зборы Радзівілаў IX фарміраванне, гістарычны лёс, цяперашняе месцазнаходжанне і шляхі выкарыстання, Мінск «Беларускі фонд культуры» 2002, //http://lib.znate.ru/pdfview/index-79881.html (22.07.2014).

Урала Демидовыми чтобы повысить доходность принадлежавших им уральских заводов. По условиям договора Кожуховский получал 12% от прибыли. Обширная переписка по вопросам заводоуправления за 1847–1853 гг. сосредоточена в 643 фонде опись 1. Эти документы позволяют проследить уральский период жизни Кожуховского. Скончался он в Нижнем Тагиле в 1853 г. Тело его было отправлено на родину. Кожуховскому удалось повысить производительность заводов, но его деятельность получила противоречивую оценку историков. В данном случае нам интересны не итоги работы Кожуховского, а сам факт его приезда на Урал в качестве вольнонаемного специалиста. Безусловно, он был не единственным поляком, сделавшим здесь успешную карьеру. Еще более показательным примером может служить семья промышленников Поклевских-Козелл.

Не для всех регионов России при формировании польской общины ссылка имела ключевое значение. Екатеринбург никогда не был местом размещения ссыльных поляков. В фондах ГАСО удалось обнаружить документы, касающиеся судьбы ссыльных, но их число на порядки меньше, чем в архивохранилищах бывших губернских центров: Перми, Тобольска или Омска. На протяжении большей части XIX столетия Екатеринбург для ссыльных оставался транзитным городом. Кроме того он был уездным городом Пермской губернии, потому основная переписка по вопросам размещения ссыльных шла через канцелярию Пермского губернатора, туда поступали правительственные указы и циркуляры МВД, а также сведения о ссыльных из уездных городов⁷. На территории Свердловской области были города, которые традиционно служили местом высылки политически неблагонадежных, такие как Верхотурье или Красноуфимск, но Екатеринбург не входил в их число. Иногда труд ссыльных использовали на горных заводах. Например, офицеры польского горного корпуса А. Поллини и Т. Миешковски во время восстания попали в плен в августе 1831 г. и отбывали ссылку в Вятке. Как специалисты горнозаводского дела они были затребованы на Урал и высланы на Гороблагодатские заводы. Работали здесь недолго, уже в мае 1833 г. им было разрешено вернуться на родину⁸.

Из-за того, что через Екатеринбург проходил главный путь в Сибирь, ссыльные за Урал вряд ли могли его миновать. До начала правления Николая I город вполне справлялся с преступниками, которые следовали через город или содержались в местном тюремном замке. В связи с усилившейся волной репрессий в конце 1820-х гг., в Екатеринбурге появилась потребность расширения местного тюремного замка, который не вмещал всех арестантов. Начальство

⁷ Государственный архив Пермского края (ГАПК), ф. 65; Н. Д. Аленчикова, *Обзор фондов государственного архива из истории польской политической ссылки в Пермской губернии в XIX в.*, в: *Кунгурские поляки*, Кунгур 2004, с. 32–43.

⁸ Т. П. Мосунова, А. В. Черноухов, *Екатеринбург и окрестности в жизни поляков XVIII – начала XX вв.*, в: *Архивы России и Польши: история, проблемы и перспективы развития*, Екатеринбург 2013, с. 15.

Горной канцелярии и власти Пермской губернии пришли к выводу о необходимости в кратчайшие сроки воздвигнуть в Екатеринбурге новый тюремный замок, параметры которого соответствовали бы новому статусу главной региональной и пересыльной тюрьмы. Он был построен в 1830 г. В ГАСО отложились документы о строительстве замка, тюремном регламенте и занятиях заключенных. В документах, связанных с управлением встречаются упоминания, что в 1850-е гг. здесь ждали (но, видимо, не дождались) членов разгромленного в Польше в 1848 г. тайного общества. Многие «из лиц обвиненных тогда же бежали», на Урале разыскивали 12 человек. Прислали на них описание, особые приметы. Искали Владислава Осташевского, Феликса Шигольского, Валерия и Клементия Пржевлотских, Казимира Карпинского, Игнатия Маковского, Фому Вержбитского, а также Людвигу Клемера, который «пробрался в Царство Польское тайным образом из Галиции». Среди «преступников» были и представители Люблинской губернии – Любомир Фарнезий, Генрих Плещинский, Иван Богданович, Фома Бржезинский⁹.

Продолжая тему польской ссылки, хочется отметить, что и после самого массового польского освободительного восстания 1863 г. его ссыльные участники не останавливались в Екатеринбурге более положенного арестантам отдыха. С мая 1863 г. Пермская губерния стала одной из 14 губерний, куда высылались только «уроженцы Западных губерний». В приложении к секретному циркуляру ДП МВД называлось 7 уездных городов, предназначенных для поселения ссыльных: Верхотурье, Красноуфимск, Кунгур, Оханск, Соликамск, Чердынь, Шадринск¹⁰. Как можно убедиться, Екатеринбург среди них не был назван. Учитывая, что Кунгур, Оханск, Соликамск, Чердынь и Шадринск, ныне входят в состав Пермской и Курганской областей, то количество документов, отложившихся в Государственном архиве Свердловской области, касающихся ссыльных, очень невелико.

Некоторая часть бывших повстанцев обосновалась в Екатеринбурге уже после отбытия срока наказания, не имея возможности вернуться домой. В 1870–1880 гг. город был крупным центром промышленности и торговли, а потому привлекательным для людей, желающих развивать предпринимательскую инициативу. Так, например, сделал Здислав Миткевич, коллега Юзефа Калиновского. После пятнадцатилетней ссылки в Сибирь, остаток своих лет он провел в Екатеринбурге, стал предпринимателем и одним из инициаторов строительства костела¹¹.

Изучение документов архива подталкивает к выводу, что влияние ссылки на формирование польской общины в Екатеринбурге носило косвенный характер. Она образовалась в результате естественных миграционных процессов. Урал,

⁹ Там же, с. 16.

¹⁰ ГАПК, ф. 65, оп. 1, д. 346, л. 11.

¹¹ Л. В. Рябухо, *Вклад сосланных после 1863 г. поляков и их потомков в развитие Урала и России*, в: *История и культура поляков в Сибири*, Красноярск 2006, с. 44.

с высокой концентрацией государственных и частных промышленных предприятий и отсутствием высших учебных заведений, давал возможности для карьерного роста специалистам в области горной и лесной промышленности, врачам, железнодорожникам и военным.

Одним из возможных направлений сбора информации о поляках на российской службе, может стать анализ персональных документов по сферам деятельности: медицина, военная служба, органы управления, горная промышленность, лесная промышленность.

Екатеринбургский историк Эдуард Черноухов обработал документы о врачах, служивших с 1810 по 1900-е гг. на горных заводах Урала. Из двухсот специалистов восемь было поляками: Иероним Оссовский, Данила Романовский, Михаил Стражалковский, Леопольд Ходорович, Онуфрий Нехведович, Адам Волянский, Сигизмунд Окинчич, Фелициан Соколовский. Все они поступили на российскую службу добровольно. Пять из восьми врачей прослужили на уральских горных заводах более 20 лет, еще двое работали в регионе несколько десятилетий¹².

Нами было проведено точечное исследование формулярных списков офицеров и нижних чинов, служивших в воинских частях Екатеринбурга. В качестве объекта исследования был выбран 8. Оренбургский батальон, квартировавший в Екатеринбурге в 1850-х гг. В 122 фонде ГАСО удалось обнаружить формулярные списки офицеров и рядовых батальона за 1851 г. В штат 8. Оренбургского батальона в это время входили: командир в чине подполковника или майора, капитан, два штабс-капитана, 2 поручика, 2 подпоручика, 2 прапорщика, и около 700 рядовых¹³.

В 1851 г. из десяти офицеров трое были поляками, при этом один – бывший повстанец. Офицеры поляки:

Рудницкий И. П. поручик, из дворян Волынской губернии, католик, 45 лет, в службе с января 1831 г., офицер, в российской службе с декабря в 1832 г. рядовой в 1833 г., унтерофицер в 1833–1842 гг., подпоручик с 1846 г., поручик с 1849 г. Служил в Польском уланском полку, добровольно перешел в российскую службу на 15 лет в 8. Оренбургский батальон. Воспитывался в частном учебном заведении по-польски, по-русски читать и писать умеет. Арифметику, геометрию и общую историю знает. Женат на вдове коллежского регистратора, дети православные¹⁴.

Бронислав-Иосиф Александрович Лукашевич, 23 года, из дворян Минской губернии, католик. С 1839 г. воспитанник, с 1848 г. прапорщик Полоцкого кадетского корпуса. Холост¹⁵.

¹² Э. А. Черноухов, *Врачи-поляки на горных заводах Урала в XIX в.*, «Вопросы истории» 2014, № 4, с. 148–152.

¹³ *Полное Собрание законов Российской империи*, т. 40, отд. 2, с. 97.

¹⁴ Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. 122. оп. 1, д. 34, л. 15.

¹⁵ Там же, л. 37.

Карл Карлович Бранер 22 года, католик, из дворян, кадет (1-ый кадетский корпус) 1839 г. прапорщик с 1848 г. Холост¹⁶.

Анализ формулярных списков нижних чинов показал, что после православных, число которых достигало 90% солдат, второе место по вероисповеданию занимают евреи, проживавшие перед этим на территории Виленской, Витебской, Волынской, Киевской, Минской губерний. Вот некоторые примеры: Азриль Янкелевич Шинделькроиз 26 лет в службе с 1840 г., в батальоне с 1843 г. происходил из Волынской губернии, Хацкель Цукович Голистак в службе с 1835, в батальоне с 1843 г. из Минской губернии, Овсей Фроимович Смоленский из Киевской губернии, Лейба Борухович Юдович из Витебска, Овсей Абелович Лерман из Виленской губернии, Залман Зеликович Саловеер из Могилевской, Цуко Юдович Голтман из Витебской, Абель Хаимович Гершко Пейсахович Эльперон из Витебской, Меер Шлемович из Киевской и Сруль Морткович Лейфер из Волынской губернии и т.д.¹⁷ Хотя евреи представляли собой отдельную категорию жителей Екатеринбурга, но и они были носителями культуры территорий бывшей Речи Посполитой, как это ярко показано в новелле Адама Шиманского *Сруль из Любартова*.

Помимо пятиста рядовых русских и православных и двадцати евреев, удалось обнаружить формулярные списки семерых католиков-поляков. Среди них: Шишанский Петр Федорович, католик, 38 лет, 2 аршина 3½ вершка, на службу поступил из Минской губернии 20 марта 1830 г. в Уменский (?) польский полк, взят в плен. Зачислен в Линейный Оренбургский батальон 1833 г. Уволен 1847 г. Российской грамоте читать, писать не умеет и мастерства никакого не знает. Женат на Анне Яковлевой православного вероисповедания, при нем находятся дети: Николай (16 лет), Софья (17 лет), Лукерья (11 лет), Федор (10 лет)¹⁸. Данило Александрович Михаловский, католик, 43 г. 2 аршина 3½ вершка из крестьян, на службу поступил 1831 г. Российской грамоте читать, писать не умеет. Холост.¹⁹ Игнатий Иванович Шудрецкий, католик 34 года. 2 аршина 7 вершков. Из Волынской губернии. На службу поступил 1831 г. перешел добровольно на российскую службу в январе 1832 г. в 8. батальоне с декабря 1832 г. Уволен в 1847 г. Российской грамоте читать, писать умеет и служебное мастерство знает. Женат на православной. Дети при нем²⁰.

Полученные данные достаточно интересны. Мы видим высокую концентрацию поляков среди офицерского состава батальона. Показательны неоднократные факты брака солдат и офицеров католиков с православными женщинами. Анализ всех имеющихся формулярных списков личного состава за предыдущие и последующие годы, а так же сведения о численности поляков

¹⁶ Там же, л. 40–41.

¹⁷ Там же, л. 90–94.

¹⁸ Там же, л. 53.

¹⁹ Там же, л. 55.

²⁰ Там же.

– военнотружущих в Екатеринбургe в 1840–1850-е гг., содержащихся в ежегодных ведомостях и рапортах Екатеринбургской городской полиции²¹, позволяют сделать максимально корректный вывод о количестве поляков в воинских частях Екатеринбургa.

Традиционно высокий процент поляков фиксировался на должностях лесничих и управляющих лесным хозяйством. Ян Вильчковский, работавший лесничим на Урале так объясняет этот факт.

В начале 1880-х гг. я окончил Лесной факультет в Пулавах. Вместе со мной это учебное заведение окончил еще 13 человек, в том числе семеро поляков. Мы не имели шансов найти работу по полученной профессии в Польше, так как поляки не могли рассчитывать получить место на государственной службе, а не имея за плечами практики. Не особенно охотно нас принимали и в частных владениях. Потому четверо нас поляков, следуя примеру старших выпускников, решили закончить еще Лесной факультет Петровско-Разумовской академии в Москве, откуда нам была открыта дорога к получению места на государственной службе в лесах России.

Вместе со мной Лесной факультет окончил еще 49 человек, из них 17 поляков, которые за исключением одного поступили на государственную службу в глубине России. [...] Зимой в Екатеринбургe, – он же пишет – когда бригады были заняты составлением рапортов о произведенной работе, вместе с местными здесь собиралось до 17 человек поляков лесничих²².

С 1838 г. в Екатеринбургe находилась резиденция Главного лесничего уральских горных заводов. Документы, касающиеся управления лесным хозяйством и формулярные списки лесничих сосредоточены в 55 фонде Главного лесничего уральских горных заводов и фондах лесничих горнозаводских дач ф. 395, ф. 404, ф. 426, ф. 425. На сегодня выявлено 23 фамилии поляков, служивших на должности лесничих с 1838 по 1900 гг. Исследование продолжается.

В процессе изучения формулярных списков чиновников, пришлось столкнуться с проблемой, которая хорошо известна всем, собирающим материалы о поляках на русской службе. Можно ли отнести к полякам человека, о котором известно только то, что его фамилия, вероятно, имеет польское происхождение, а иные маркеры национальной идентичности, такие как вероисповедание не указывают на это?

Приведем пример. В архивных описях формулярных списков указываются фамилии служащих. В результате просмотра личных дел служащих Уральского Горного Правления за 1850–1860 гг. нами предварительно было выявлено 20 человек с фамилиями нерусского происхождения: Деви, Шульц, Данковский, Стрельман, Штейнфельдман, Гессен, Покровский, Романовский, Зигель,

²¹ Там же, ф. 35, оп. 1, д. 323, л. 7–7 об., 103; д. 350, л. 86; д. 393, л. 235–237; д. 423, л. 152; д. 464, л. 130; д. 501, л. 231 об.; д. 530, л. 277; д. 563, т. 1, л. 109; д. 590, л. 519; д. 615, л. 208, 290; д. 645, л. 140; д. 662, л. 52, 178; д. 691, л. 293 об.

²² Я. Вильчковский, *Из воспоминаний старого лесничего*, «Уральский следопыт» 2004, № 3, с. 66–71.

Вейценбрейер, Заостровский, Спадободовский, Межецкий, Ландезен, Дорнбуш, Трегер, Дизержинский, Герц, Шмидт²³, Турский²⁴. Мы предположили, что Данковский, Романовский, Межецкий, Спадободовский, Дизержинский и Турский могут быть поляками.

Обращение к формулярным спискам не подтвердило этот гипотез. Лев Васильевич Данковский оказался православным, уроженцем Ярославской губернии, происходил из обер-офицерских детей, образование получил в Горном институте²⁵. Надворный советник Карл Густавович Турский архитектор Уральского Горного Правления, был лютеранином и был женат на православной²⁶. Формально это не исключает, что поляки не католики сохраняли тесную связь с родиной и следовали национальным идеалам. Например, современники считали начальника Уральских горных заводов, изобретателя Павла Петровича Боклевского поляком. Однако в его формулярном списке значится, что он родился и был крещен в с. Питомша Рязанской губернии по православному обряду. Окончил Петербургский Константиновский межевой институт (1872) и Горный институт (1876), стал горным инженером²⁷. Был женат на православной.

П. П. Боклевский руководил модернизацией казенных заводов, содействовал полному преобразованию Екатеринбургской химической лаборатории и золотосплавочной, упростил систему расчетов с золотопромышленниками, организовал продажу казенной руды для частных заводчиков. Был одним из организаторов съездов горнопромышленников и их органов в Екатеринбурге и Петербурге, постоянным участником съездов уральских горнопромышленников, золотопромышленников и углепромышленников. Принимал участие в создании журнала «Уральское горное обозрение» и разработке проекта горнопромышленного банка. Изобрел золотоуловитель, нашедший применение на золотых приисках (1907). Был активным общественным деятелем. Тесные отношения связывали его с семьей польских предпринимателей сибиряков Поклевских-Козелл, у которых он одно время работал. Общался он и с другими поляками, проживавшими на Урале. Можно ли считать П. П. Боклевского поляком? Думаю, что нет.

Следуя той логике, что не все носители польской фамилии были поляками, а также, что православное вероисповедание у поляков не исключало их вовлеченность в жизнь местной колонии, приходится заключить, что анализ формулярных списков чиновников не даст полностью корректной цифры числа польских специалистов на русской службе. Неизбежно она будет завышена или занижена.

²³ ГАСО, ф. 24, оп. 13, д. 751, л. 74, 252, 209, 156, 237, 399, 456, 462, 472, 483, 488, 566, 576, 624, 631, 656, 715, 738, 778, 852, 880, 993.

²⁴ Там же, д. 750.

²⁵ Там же, д. 751, л. 156.

²⁶ Там же, д. 750, л. 335.

²⁷ Там же, оп. 7, д. 739.

За все периоды существования Екатеринбурга процент польского населения не превышал 0,1% от общего числа жителей города. Авторы исследований, посвященных польской диаспоре Сибири, оперируя подобными цифрами, делают акцент на том, что хотя поляков в процентном отношении было мало, но многие из них были носителями уникального опыта и знаний, обладали более высоким, по сравнению с местным населением, уровнем образования и это позволило им оставить после себя заметный след.

Одним из перспективных направлений исследований нам представляется восстановление биографий наиболее ярких представителей польской диаспоры. Так как именно они в значительной степени определяли развитие польского сообщества на Урале. Заметка, помещенная в газете «Kraj» подтверждает эту мысль:

Несмотря на то, что в Екатеринбурге поляков больше, чем в других городах далекого востока, их жизнь здесь ничем не выделяется на фоне всеобщей спячки, характеризующей местные отношения. Екатеринбург является административным центром российской горной промышленности, однако, не подает каких-либо видимых признаков научного развития. Не влияет на прогресс в развитии горного промысла. Это отрицательным образом сказывается на жизни наших земляков, которые, несмотря на значительное их здесь число, не создали до сих пор никакого товарищеского клуба, хотя и большинство их очень хорошо обеспечено. [...] Благодаря пожертвованиям господ Поклевских-Козелл в Екатеринбурге был построен в этом году великолепный костел, который несомненно сблизит наших земляков.

Хорошо было бы здесь организовать какой-нибудь центр интеллектуальных интересов. Здесь у нас на Урале находится многочисленный состав поляков-специалистов; врачей, юристов, инженеров, чиновников, купцов, ремесленников. С удовольствием хочу отметить, что до настоящего времени все местные поляки остались верны принципам честности и порядочности²⁸.

Действительно, без деятельности активистов, которые спланировали вокруг себя земляков, направляли их на совместные действия, жизнь колонии находилась в вегетативном состоянии. Чаще всего в городах центром польской общины становился костел, но в Екатеринбурге это был еще и дом польской семьи предпринимателей Поклевских-Козелл.

Опираясь на материалы ГАСО, исследователям: В. П. Микитюку, Е. Г. Неклюдову и Т. П. Мосуновой удалось воссоздать биографии и проследить особенности предпринимательского стиля трех поколений – Поклевских-Козелл. Выявленные материалы легли в основу книги *Род Поклевских-Козелл*²⁹.

Биографии других поляков, чья деятельность имела влияние на развитие Екатеринбурга, еще требуют более тщательного изучения. Среди них: врач и художник Туржанские, предприниматель и общественный деятель И. Л. Фаль-

²⁸ «Kraj» 1883, № 48, с. 17.

²⁹ В. П. Микитюк, Т. П. Мосунова, Е. Г. Неклюдов, *Род Поклевских-Козелл*, Екатеринбург 2014, с. 368.

ковский, врач А. В. Барановский, предприниматель З. И. Миткевич, архитектор И. К. Янковский, полицмейстер И. Н. Скорупский, лесничество: Н. К. Острейко-Оржешко, А. А. Желиговский, В. О. Бронаковский, И. Н. Крыжановский, предприниматель П. О. Корево, железнодорожный инженер И. В. Бонкевич, врач Н. С. Красовский.

Хотя не все поляки были католиками, одним из самых представительных источников, дающим сведения о составе, происхождении, естественном приросте польской диаспоры, являются метрические книги костела, хранящиеся в архиве. Храм был построен и освящен во имя святой Анны в 1884 г.³⁰ Появление костела было признаком зрелости местного польско-католического сообщества, ведь костел был центром жизни диаспоры. История строительства костела в Екатеринбурге была описана католической общиной в 1921 г.³¹ В документе упоминается первый священник – отец Франциск Буткевич, который, как впоследствии удалось установить, был из числа ссыльных и по получению амнистии отбыл из города. Судя по верхней дате метрических книг – 1898 г. – самостоятельность Екатеринбургский приход получил спустя 22 года с момента приезда первого священника, до этого храм являлся филиалом Пермского прихода.

Сохранились три книги о рождаемых, одна о венчаемых и три об умерших за период с 1898 по 1919 гг.³² Из исторической справки известно, что священник обслуживал католиков Екатеринбургского, Верхотурского, Ирбитского, Камышловского, Красноуфимского и Шадринского уездов. За весь период было крещено 1040 человек. В течение всего времени, который охватывают метрические книги, зафиксировано 154 населенных пункта, указанных как место рождения крещаемых. В шестидесяти пяти из них было более одного случая крещения младенцев, в двадцати пяти – более пяти случаев крещения младенцев. Это были Асбестовские прииски Поклевских-Козелл, с. Байкаловское Ирбитского уезда, Благодатный прииск Поклевских, Верхотурье, Егоршино, Екатеринбург, Ирбит, Камышлов, Кушвинский завод, Кыштым, Лесопильный завод, Ляля, Надеждинский рельсовый завод Верхотурского уезда Пермской губернии, Невьянский завод, Нижний Тагил, пос. Рыбный Верхотурского уезда Пермской губернии, Пышма, Ревдинский завод, Талица, Туринск, Тюмень, Уфалей, Шадринск. На основании этих данных мы можем наглядно увидеть места наибольшей концентрации католиков. Родители крещаемых в основном были выходцами из западных губерний: Виленской (135 семей), Ковенской (128), Гродненской (66) и Витебской (51), значительное число семей прибыло из Царства Польского (82). Численный состав прихода изменялся незначительно. В течение ряда лет приход насчитывал около трехсот–четырёхсот прихо-

³⁰ ГАСО, ф. 62, оп. 1, д. 79, л. 21.

³¹ Там же, ф. Р. 551, оп. 1, д. 123, л. 397–400.

³² Там же, ф. 6, оп. 13.

жан. Наблюдалась высокая степень дисперсного расселения групп католиков. Максимальная концентрация католического населения отмечалась в Екатеринбурге, Талице, Камышлове, Шадринске, Нижнем Тагиле, Ирбите. Натуральный прирост общины составлял около 10% от числа всех прихожан.

К сожалению, в архиве до сих пор не удалось обнаружить каких-либо дневников, описывающих быт и повседневные занятия польских семей. Доступные на сегодняшний день воспоминания хранятся в семейных архивах. Удалось зафиксировать воспоминания Ирены Мончунской о жизни в Талице на рубеже веков³³, воспоминания о семье Балюкевич и их жизни в Ерстрском и Талице³⁴, лесничего Яна Вильчковского³⁵, Адели Пашкевич о жизни в Шадринске³⁶. Все они фрагментарно или полностью опубликованы.

Материалы периодических изданий и периодической печати дают возможность более широко представить характер, род занятий поляков, проживавших в Екатеринбурге, получить информацию о проводимых ими мероприятиях. Среди периодических изданий, хранящихся в архиве, наиболее для нас интересны: «Екатеринбургская неделя», «Уральский край», «Уральская жизнь» «Зауральский край», «Зауральская жизнь», «Горный журнал», «Екатеринбургские епархиальные ведомости», «Уральское горное обозрение», а также такие периодические справочные издания как «Пермский адрес-календарь», «Весь Екатеринбург», «Путеводитель по Уралу» и т.д.

В справочнике «Весь Екатеринбург» за 1903 г. фамилии поляков встречаются практически во всех сферах предпринимательства или частной инициативы. Среди занятий поляков значатся: библиотека, музыкальный магазин, типография, фотография, ресторан, кухмастерская, кофейня, врачебная практика, архитектура, преподавание музыки, продажа аптекарских и парфюмерных товаров, бакалейных и колониальных товаров, обуви, галантереи, мануфактуры, магазины готового платья, часовые мастерские. Промышленные предприятия: склады пива, обойная фабрика, булочные и кондитерские, граверные, гранильные, колбасные, красильные, переплетные, изготовление музыкальных инструментов, переплетные, портновские, чулочные, шляпные, ювелирные, сапожные, парикмахерские. Среди домовладельцев Екатеринбурга в этом же справочнике числится 138 польских фамилий³⁷. Но были ли это на самом деле поляки? Уверенности у нас нет.

Для исследователей темы польского предпринимательства на Урале большой интерес может представлять фонд 62. Здесь сосредоточены материалы

³³ *Воспоминания Ирены Мончунской в замужестве Поклевской-Козелл*, «Уральский родословед», вып. 5, Екатеринбург 2001.

³⁴ Рукопись «Семь рассказов для Елены и Ольги» хранится в Троицком историческом музее.

³⁵ Я. Вильчковский, *Из воспоминаний старого лесничего*, «Уральский следопыт» 2004, № 3, с. 66–71.

³⁶ Хранятся в Шадринском краеведческом музее.

³⁷ *Весь Екатеринбург*, Екатеринбург 1903.

о домовладельцах Екатеринбургa, списки жителей, имеющих избирательное право³⁸, статистические сведения³⁹, списки владельцев предприятий⁴⁰, квартирохозяев⁴¹, Заявление о разрешении постройки⁴².

В начале XX в. многие поляки, попавшие на государственную или частную службу на Урал, пытаются заняться здесь частным бизнесом. Например, Ф. А. Лысикевич и В. П. Ивонин в 1911 г. подали прошение об отводе участка для устройства зоофермы⁴³. В том же фонде 55 имеется прошение «Об отдаче в аренду г. Чаплицкому в Уткинской казенной даче участка для устройства цементного завода»⁴⁴. Документы Товарищества «П. О. Корево» о работе асбестовых приисков⁴⁵.

Многие поляки, становясь жителями Екатеринбургa, принимали активное участие в его общественной жизни. Фонды благотворительных, общественных, учебных организаций, таких как Екатеринбургское отделение Губернского попечительства о детских приютах (ф. 48, ф. 392), Уральское общество любителей естествознания (ф. 101), мужская и женские гимназии (ф. 70, 91), содержат информацию, необходимую для восстановления биографий поляков.

Уже упоминавшиеся периодические издания, позволяют нам проследить какие события были наиболее важны для польской общины и города. В 1884 г. «Екатеринбургская неделя» описывала освящение костела. «Уральская жизнь» освещала первый в истории визит в город католического епископа⁴⁶. Помимо периодической печати это важное для екатеринбургских католиков событие не было отражено.

Газеты так же сообщают о проводимых в городе польских мероприятиях. «Вместо ежегодно устраиваемого польского вечера, в новом городском театре будет поставлена опера *Галька* в антрактах оркестром будет исполнен польский национальный гимн и др. музыкальные произведения. Сбор в распоряжение местного католического благотворительного общества, билеты у настоятеля костела и в кассе театра»⁴⁷. В газетах появляются информации о благотворительных мероприятиях на польские нужды. «Помощь пострадавшей Польше. Итоги польских дней 3 502 руб – 200 кружек»⁴⁸. «Екатеринбург – Польше. Местное польское общество отправило собранные 1–2 ноября 3549 руб 10 коп.

³⁸ ГАСО, ф. 62, оп. 1, д. 42 (1885), 43 (1890), 132 (1897), 133 (1891).

³⁹ Там же, д. 524, 1913 г. (161 с.).

⁴⁰ Там же, д. 617.

⁴¹ Там же, д. 618.

⁴² Там же, д. 746–750.

⁴³ Там же, ф. 55, оп. 2, д. 1038.

⁴⁴ Там же, оп. 1, д. 834, л. 1862.

⁴⁵ Там же, ф. 447, 1896–1916 гг., 4 дела.

⁴⁶ «Уральская жизнь» 1909, 23 апреля; там же, 28 апреля.

⁴⁷ «Зауральский край» 1916, № 5, с. 2.

⁴⁸ Там же, № 247, с. 3.

В Варшаву при посылке денег указано, чтобы деньги раздавались населению без различия национальности и вероисповедания»⁴⁹. В польском благотворительном обществе сбор деньгами и вещами. Принимаются пожертвования г-дами: Тыминской, Фальковской, Контовт, Санд-Вилкас, Рымшевич, Робакевич, Острейко, Фальковским, Вепревским⁵⁰.

Период первой мировой войны представляет особенный интерес для дальнейшего развития польского сообщества и требует отдельного архивного исследования.

Подводя итоги проведенного исследования, хочется отметить, что Государственный архив Свердловской области обладает большим потенциалом для исследователей польской диаспоры на Урале. Особенностью формирования польской диаспоры Екатеринбургa было преобладание добровольных польских переселенцев, часто занимавших высокие должности в государственных и частных предприятиях. Наиболее эффективным методом исследования может стать выявление специалистов-поляков по сферам деятельности или воссоздание биографий наиболее ярких представителей диаспоры.

STRESZCZENIE

DOKUMENTY PAŃSTWOWEGO ARCHIWUM OBWODU SWIERDŁOWSKIEGO O ŻYCIU POLSKIEJ SPOŁECZNOŚCI NA URALU W XIX WIEKU

Artykuł poświęcony przeglądowi źródeł Archiwum Państwowego Obwodu Swierdłowskiego, dotyczących pobytu na Uralu ludności polskiej w XVIII i początku XX w. Autorka referatu podejmuje próbę określenia najbardziej perspektywicznych kierunków dalszych poszukiwań archiwalnych.

Przeprowadzony przegląd źródeł archiwalnych skłania do wniosku, że charakterystyczna dla polskiej diaspory w Jekaterynburgu była przewaga dobrowolnych imigrantów, często zajmujących wysokie stanowiska w instytucjach państwowych i prywatnych przedsiębiorstwach. Najbardziej skuteczną metodą badania tego środowiska może być określenie sfer działalności specjalistów Polaków lub odtworzenie biografii najwybitniejszych przedstawicieli polskiej diaspory.

Słowa kluczowe: Ural, archiwa, źródła historyczne, Polacy, XIX w.

⁴⁹ Там же, № 253, с. 3.

⁵⁰ Там же, 1917, 19 окт., с. 3.